

Виталий Ломовой

ИНОСТРАНЕЦ

16+

Виталий Ломовой

Иностранец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62454202

SelfPub; 2020

Аннотация

Лето 2014. Одесса – «город-праздник». Жизнь главного героя – повседневная рутина: нелюбимая работа, поиски себя и жизненной цели. Ярких красок и новых смыслов добавляет незапланированная встреча спустя годы с бывшим одноклассником, ставшим жертвой ограбления на пляже, застрявшим без денег и документов в незнакомом городе. Когда-то хороший друг, теперь словно новый знакомый. Насколько близкими могут быть люди вокруг и можно ли им доверять?

Пожалуй, непросто и одновременно желанно быть уникальным. Когда ты чужой в другой стране, тебе кажется, будто ты – белая ворона и совершенно непохож на всех. А ведь ты просто никому не нужен. Идёшь сам по улице, гуляешь один в парке, пропускаешь под носом груды машин и, словно пуля, нарочно минующая цели, огибаешь муравейники людей. Но ты ничем не выделяешься, не представляешь никакой ценности, никем не узнаваем. Думаешь, ты – не такой, как все? А ты – такой же, тебя не отличить, на горизонте не расступается море, и за тобой никто не следует. Куда-то идти ещё сорок лет ты обречён в одиночестве. Может быть, конечно, ты не сам, есть я, есть они, все мы здесь ищем кого-то. Ищем друзей, идеи, знания, приключения, алкоголь, ищем себя.

Если бы я родился у моря, вероятнее всего, я бы стал моряком. Вышло так, что мне не хватило примерно ста километров. В детстве я обожал карты, истории о пиратах, рассказы о дальних странах, грезил далёкими островами и мечтал откопать сокровища. Часами разглядывал политическую карту мира в надежде найти незнакомое место, спрятавшийся от меня далёкий берег, хотя помнил названия буквально всех стран, неоднократно «побывав» там уже по несколько раз. Вскоре я вырос и всё-таки оказался на море. Этим чудным городом стала Одесса. И вот шёл без малого шестой год моего там нахождения. Естественно, я уже понимал разли-

цу между Большой и Малой Арнаутской, неоднократно исколесил Трассу Здоровья, успел пожить на Черёмушках, и уже жил на Таирова, а когда в маршрутке передавали через меня оплату, я без смущения просил остановку на Кустанайской, не переспрашивая названия улицы. Помню себя первые месяцы в городе, приходилось считать остановки троллейбуса от Пятой станции, чтобы не проехать: Судостроительная, Лунина, Вымпел...

Мне казалось, я полюбил этот город на столько, на сколько, конечно, может любить его тот, кто в нём не родился и одесситом не считается. Без лишнего романтизма и иллюзий, на столько, на сколько, конечно, без них может обойтись молодой индивид, я просто жил, как один из миллиона. Наступило время, когда осталось позади беззаботное студенчество и юношеский максимализм, а вагон с планами и чёткими координатами «что делать дальше» ещё не был найден на длинном перроне одесского вокзала с тупиком.

Год с лишним после защиты диплома магистра прошёл, как по инерции, новое место, новые знакомые, новые обязанности, только я оставался старым. Новый этап взросления ломал меня, новая среда обитания требовала более покладистого характера, более серьёзного отношения к действительности, но я всё ещё сопротивлялся. Попутный ветер пока что дул в спину. Как говорится, везёт тому, кто везёт. Вот и мне хотелось верить, что на поднятых парусах я далеко уйду. А жизнь не видит упёртых, она иногда проходит мимо них.

На Приморском бульваре, под бой часов и звуки «Белой акации» пролетел целый год. Мимо томно проходили гуляющие, угрожающе проезжали инкассаторские машины, привычно периодически менялись охранники отделения банка, а постоянные клиенты добровольно, но нехотя расставаясь со своими кровными, тянули ярем оброка новых дней, другие же, приезжие, сошедшие с круизных лайнеров гости города меняли частенько у нас валюту. Время шло от девяти до восемнадцати, ранний уход не приветствовался, ранний приход не засчитывался, мог хоть ночевать там, главное — не опаздывать. Тогда-то я стал понимать, что единственным приятным моментом в нелюбимой работе является перекур, а кто не курит, тот работает. Но справедливости ради отмечу, здесь я повстречал отличного друга и единомышленника, и признаюсь, мне страшно неловко и стыдно, что спустя годы я потерял эту тонкую нить нашей дружбы. Остальные, немногим десять человек отделения банка, стали моей маленькой семьей.

И времена меняются, и ветер становится штормом. Хотели перемены к лучшему, а получили кризис. Никому не нужен доллар по двенадцать, тем более который даже нельзя найти и купить. Люди чувствуют беду, снимают деньги со счетов. Ведь заработали их трудом и потом. И как им отказать, как убедить, что всё будет хорошо, если сам знаешь, что не будет? Семья Приморского отделения распалась. Из банка я ушёл, прихлопнув дверью. Не только потому, что мне не

направились рубашки белого цвета и зелёные галстуки. Цвет не имеет значения, когда петля туго затянута. Давно уже пришло время. А потом и эта война началась.

Лето становилось жарким. Одесса тянула всех к морю днём, а после сумерек оживали весёлые, яркие и пьяные кварталы центра. Холодное пиво тёплыми вечерами в переулке Чайковского выполняло нам ритуал разогрева перед долгим снованием по людному городу, плавно пустевшему к полуночи. Кто не «имел продолжение», ехал домой последними маршрутками, чтобы не тратиться на такси, кто-то задерживался в центре с ограниченным бюджетом, позволявшим вернуться «на фаре», остальные счастливики, сумевшие уцепиться за праздник жизни и алкоголя, пировали всю ночь на пролёт и заканчивали торжества, встречая утро в клубах. А пока дети ещё не спят, по Дерибасовской и Екатерининской, Приморскому и Ласточкина, на Соборной и Греческой, словно по венам, плавными потоками двигались загоревшие и постепенно пьянеющие искатели приключений. Ярмарка на Дерибасовской прижилась с зимы, освежающий сидр к лету сменил горячий глинтвейн. Смешиваясь с шумом толпы, издали доносилась бессмертная классика, объединявшая в те моменты пронзительную скрипку и бодрящий саксофон, из кухонь бесконечных ресторанов официанты заботливо выносили разные яства и напитки на любой вкус, а затем со столов с любовью и почтением собирали щедрые чаевые. Музыкальную перекличку на Потёмкин-

ской подхватывал гитарист, смешавший в репертуаре Егора Крида и давно забытый Animal Джаз, а у Горсовета молодая девушка радовала слух звуками флейты. Бурлящий фонтан возле Оперного убаюкивал бредущих вниз по Ришельевской, вырвавшихся из котла сияющего огнями города, но оживлял своими брызгами вновь прибывших. Мелодии, запахи и ритмы лета, томящее солнце, долгие вечера в городе у моря. «Как и где потратить?» – не стоял тогда вопрос, голова болела за то, «что тратить?» Мои сбережения и денежные ресурсы, отведённые на месячный отпуск и время без дела, подходили к концу.

Занявшись поиском работы, я не горел желанием возвращаться в банки, да и меня бы никто не взял туда с большой вероятностью после слов властной женщины, регионального директора, пригрозившей незадолго до ухода испортить мою жизнь. Я воспринял её слова с насмешкой, не всерьёз. Волей судьбы, по случайному стечению обстоятельств я зашёл в гости к своему другу со старой работы, о котором уже упоминал чуть ранее. Там моя прошлая и, как окажется, будущая начальница М. предложила снова пожевать то, чем я успел как следует полакомиться и не так давно со скривлённым лицом выплюнуть. То ли под гипнозом, то ли от безысходности, я всё же решился войти в одну и ту же реку дважды, мы согласовали дату и время собеседования с самым главным боссом. Говорят, что надо следовать за своим сердцем, но иногда сердце молчит, а его перекрикивает желудок и хозяй-

ка квартиры, которая тоже хочет кушать. В те моменты жизни мне хотелось стать художником, жить под крышей где-нибудь в Стокгольме, превратить комнатушку в мастерскую с измазанными стенами и разбросанными холстами, каждый день рисовать серые крыши, острые шпили с флюгерами и мачты яхт, стоящих у пирса, слушающих противные крики надоедливых чаек. Жил я в другой реальности, не такой уж и плохой, но местами удручающей.

На часах 14:10, с Таирова ехать в центр примерно сорок минут, плюс ещё пешком от Александровского дойти до Греческой через Красный переулок, это светофор и пара переходов. Время выходить. Ремень затянут, рубашка выглажена, часы – на руке, телефон – в одном кармане, кошелёк – в другом. Зайдя на страницу «В контакте», чтобы выйти из профиля, вижу сообщение от незнакомого человека: «привет. это слава порядов. помоги мне, у меня украли деньги и документы, я в ильичевске». Полминуты шока отправляют мозг на перезагрузку, и будто после сигнала, медленно он оживает, как Windows XP на двухъядерном процессоре. Мне бы не опоздать на собеседование... А вдруг судьба другого человека сейчас в моих руках? И почему ты пишешь с другого аккаунта? Неужели сложно зайти на свою страницу? Это пахнет разводом... Какова вероятность, что это не розыгрыш? Могу ли я вообще тебе доверять? Время сейчас сложное, человек человеку волк. Почему я должен бросать всё и чем-то жертвовать ради неизвестного, хоть и знакомого

бывшего одноклассника? Так. Стоп. Приеду и вечером разберусь, сейчас будет момент всё обдумать. Как-то ты, Слава, протянешь пару часов без паспорта, всё равно я тебе его не привезу сейчас. Меня же ждут и другие люди, пора ехать...

2

Когда-то в школе мы дружили, нас было четверо, как в «Бригаде»: Белый, Космос, Пчёла и Фил. Но в отличие от тех настоящих мы никого не убивали, а просто вместо урока по трудам катались на качелях во дворе, пока не появился новый трудовик, и занятия не возобновились. Учились неплохо, если меня и освобождали от экзаменов в конце года, то Слава без особых сложностей сдавал их на пятёрки. В классе шестом Слава начал ругаться матом и пререкаться с учителями, я не углядел в этом особой прелести, хотя в душе поддерживал юношеский протест, но не был активным участником революционного движения по срыву уроков из-за неподобающего поведения целого класса, в результате которого все два десятка с лишним дневников лежали на столе классного руководителя, а их страницы утопали в обилии красных чернил. Мятеж подавлялся лёгким движением шариковой ручки. Наши со Славой пути разошлись в лицее, где выяснилось, что я – гуманитарий, а он – математик. С того момента пропасть между нами стала расти, детские иллюзии по поводу дружбы остались где-то там на качелях во дворе. Жизнь текла по разным руслам. Казалось, его река бурлила, с грохотом разбивая пороги, моя же – шла размеренно по ши-

рокой равнине. Через год, перейдя в девятый класс, я узнал, что Слава уехал в Израиль. Так, мне представлялось, наши общие некогда дороги навсегда остались в мемуарах детства. Неожиданностью стало увидеть его в следующем году снова в форме лицеиста, преградой на пути к Земле обетованной стало его взбалмошное, безответственное поведение. Но поведение не двоечника, прогуливающего уроки, бездарного, не желавшего учиться, а бунтарское, протестное, заставляющее видеть мир иначе, как видят его гении, коими движет любопытство. А мы и наше окружение тушим это в себе и других, боимся безумства, жертвуя своим нравом во благо всеобщего порядка и равновесия, убивая свою природу, свою жизненную силу. Я не понимал Славу уже тогда, становясь заложником общественного сознания, вся школа видела в нём способного, умного, но недостаточно старательного и прилежного ученика. Стоит отметить, что в Тирасполе живут достаточно консервативные люди, в награду за сохранение советского наследия консерватизм и строгость достались им от предыдущих поколений, многие до сих пор уверены, что социальное равенство возможно, а коммунизм придёт незамедлительно, как только вымрут все капиталисты. По окончании школы я не знал, кем хочу быть дальше, точнее сказать, я пошёл на поводу у стереотипов и решил стать экономистом, хотя даже не представлял, куда и с чем это едят. С железной уверенностью и жадной страстью я хотел уехать в Одессу. Это стало отправной точкой, а выбор

вуза – второстепенным решением. Мой Чевенгур на золотом песке лежал за сто километров от родного дома. Пожалуй, лучше и не придумаешь. О мечтах и планах Славы я не знал, но думаю, его взгляды были более прагматичны и дальновидны, он уехал учиться программированию в Кишинёв. Теперь только страницы в социальных сетях позволяли нам знать хотя бы что-то друг о друге. Пугающая близость далёких и незнакомых друг другу людей. Вчерашних одноклассников, сидевших рядом за партой, любивших и ненавидящих, друживших и не прощавших, вышедших из одной клетки, казалось бы, знавших всё и о каждом тогда, сейчас стали объединять просто странички с фотографиями и записями об интересах, любимых книгах и цитатами о премудростях жизни. И стало незачем собираться вместе, стали ненужными вопросы «как дела?» и «как поживаешь?», ведь я же вижу, где ты проводишь время по альбомам с выложенными фото, вижу, какое у тебя сейчас настроение по статусу вверху страницы, знаю, с кем ты встречаешься, как одеваешься, что ешь. И только потом это стало мало походить на правду, стало миром грёз и идеалом, ориентиром для подписчиков. А когда-то не было подписчиков, мы были друзья школьные, после ставшие друзьями «В контакте».

Параллельно жизни обычной бурлила жизнь в интернете. Эта виртуальная реальность давала нам возможность отслеживать чужие успехи. Я видел, что Слава после третьего курса уехал в США и, судя по всему, задержался там на-

долго. Меня покоряли всяческие проявления авантюризма, я радовался и в глубине души одновременно завидовал тем, кто кардинально менял свою жизнь, отправляясь за океан. К тому времени я разочаровался в своей профессии, и учёба становилась мучительной, поэтому подсознательно я готов был, как и все авантюристы-мигранты, бросить всё ради поиска себя и лучшей жизни. Свободная Одесса освобождала мой ум из оков консерватизма, мой страх перед неизвестностью ломался под тяжестью мечт о далёких странах и фантазий, с детства блуждающих по политической карте мира. И всё же страх оставался страхом, я всегда ставил его в противовес мечтам и выбирал что-либо иное нежели своё будущее, оправдывался отсутствием возможностей. По инерции я закончил университет, благодаря стечению обстоятельств устроился на работу, волей судьбы продержался там больше года. И начал утопать в трясине. Вы скажите, что в этом нет трагедии и большинство так проводят всю жизнь. Соглашусь, я тоже не видел трагедии, но для меня это становилось драмой. Личная драма никого не должна беспокоить. Я имел неосторожность ляпнуть своей начальнице, что хороший раб – тот, кто не осознаёт, что он раб. Но ведь она же ни в чем не виновата. Не нравится, не делай. Никто не держит у твоего виска дуло пистолета. Хочешь, бросай всё и отправляйся хоть за океан. Но, как выяснилось, Слава вернулся оттуда, естественно, я не обладал информацией, почему и как всё случилось, но новых фотографий из Нового Све-

та на странице Славы я больше не замечал уже продолжительное время, вплоть до того дня, как получил от него сообщение с просьбой о помощи. Иногда случайные встречные с подозрительными физиономиями, испорченными частым употреблением алкоголя, обращаются к вам на улице, прося некоторое количество денег, возможно, вы думаете, от лени и безделия человек не в состоянии заработать себе на жизнь, а если бы хотел, то потратил бы все свои силы на перемены к лучшему. Проходя мимо, игнорируя просьбы, спустя несколько минут вы забываете обо всём и не испытываете мук совести. Разговор с главным боссом на будущей работе стал формальностью, когда-то мне казалось, что я бы с лёгкостью мог даже организовать новую профессию «человек, ходящий по собеседованиям». Минимум стресса, максимум уверенности, опрятный внешний вид, соответствующий будущей роли, лёгкая улыбка на лице, способность шутить над собой, но следовать своим принципам, готовность отдавать себя без остатка, вежливость, – всё это может даже не понадобиться, если вы устраиваетесь на работу по знакомству. Приехав домой, я заметил Славу онлайн на его странице. Решился и написал в надежде, что не опоздал, ещё больше надеясь, что всё это было глупым розыгрышем. Закрыв страницу. То ли меня редко просили о помощи, то ли мой мир был на столько безобидный и идеальный, что я не подозревал, что у знакомого мне человека могут появиться проблемы. Хотя за долгие годы, со дня выпускного Слава постепен-

но перешёл в разряд людей, которых я просто знал, но при этом он уже был для меня человеком незнакомым. В этот момент я не чувствовал ответственности за его жизнь, ведь он уже взрослый, сам может за себя постоять, сам должен расхлёбывать свои проблемы, которые, учитывая его поведение и характер, он себе мог создать, тем более находясь в другой стране. Только совесть меня мучила, говорила мне, что буду сволочью. Он ответил со своей страницы: «можем встретиться у памятника екатерины, давай в 22:00». Я одобрил время и место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.